

В. ВОИНИЧЕВСКИЙ

БОЛЬШАЯ
БАРЫНЯ

Василий Александрович
Вонлярлярский

Поездка на марсельском пароходе (Рассказы)

Василий Александрович Вонлярлярский (1814–1852) – популярный русский прозаик середины XIX века.

Зарубежные впечатления писателя лежат в основе рассказа «Поездка на марсельском пароходе»

Рассказ впервые опубликован в журнале «Отечественные записки» (1850, № 12, отд. 8 «Смесь», с. 177–201). Это первое произведение, напечатанное за полной подписью писателя.

Содержание

#1	0005
ПРИМЕЧАНИЯ0076

Василий Вонлярлярский Поездка на марсельском пароходе

(Из путевых записок)

3 марта 1847 года возвратился я из Испании в Марсель, дав себе обещание не только не пускаться в дальние морские путешествия, но избегать даже перевозов через реки. Причиною подобного обета был переезд из Алжира в Барселонну, продолжавшийся не четверо, как бы следовало, а четырнадцать суток; я получил решительное отвращение к воде.

Итак, повторяю, торжественное обещание я дал третьего, а четвертого марта – увы! – перетащил чемодан свой на палубу железного парохода «Ville de Marseille», [1] отплывавшего в тот же день в Неаполь.

Утро было пасмурное, небо серое, а воздух, зараженный гнилыми испарениями неподвижной гавани, душил и производил тошноту.

На палубе прохаживалось уже несколько пассажиров, из которых один был испанец, низенький, смуглый, грязный и безмолвный, как могила. Он грозно посматривал на двух мужчин, разговаривавших между собою на языке, которого он не понимал; вероятно, ему

казалось, что предметом разговора был он. Но испанец ошибался; два господина говорили по-польски и не о нем. Один из них был лет сорока, высокий, полный, румяный и с прекрасными зубами. Белокурые волосы с проседью были подстрижены на затылке и отпущены на висках и темени; усики закручивал он в колечки. Владелец всех этих сокровищ улыбался с приятностию, выделявая из губ сердоликовое сердечко. Товарищ его, невысокий, но статный мужчина лет пятидесяти составлял совершенную противоположность с ним; он был смугл, бледен, обстрижен донельзя и с такими глазами, от которых не отказался бы ни один испанец и, конечно, ни одна испанка.

Поодаль от всех, небрежно раскинувшись на деревянной скамье, лежал молодой человек лет двадцати двух. На нем был полосатый арабский бурнус и пунцовая феска с синею гарусною кистью; из-за фески выглядывали черные кудри, а из складок бурнуса – пара больших рук, сжатых палевыми перчатками; под носом торчали намазанные чем-то усики, а подбородок осенялся клочком волос, расче-

санным очень тщательно; мне даже казалось, что этот юноша был набелен и нарумянен.

Остальные пассажиры принадлежали ко второму разряду и ограничивали прогулку свою пространством, заключающимся между носом парохода и трубою.

– Кто такие эти господа, что на задней палубе, – спросил я у капитана, предоброго и превеселого шведа гигантских размеров.

– Смуглый – испанец (имен я еще не заучил), – отвечал капитан, – а те два, что говорят между собою, кроаты, из которых низенький – полковник, и прекуръезная штука.

– А тот, что в арабском костюме?

– Да ведь охота же наряжаться шутком.

– А кто он?

– Он бельгиец; пресладкая физиономия, – прибавил капитан.

– Он очень недурен собою, не правда ли?

– Была бы кожа да краски – то ли намарать можно.

– Он вам не нравится, капитан, – заметил я.

– Таких ли еще приходилось перевозить.

И капитан расхохотался, плюнул фонтан-

чиком за борт и покачал головою в знак совершенного удовольствия.

Через несколько минут из-за кораблей, стоящих на якоре, показался восьмивесельный катер. Весь экипаж наш и все пассажиры бросились к борту. Катер быстро приближался к пароходу; в катере сидело несколько дам и кавалеров.

– Это же еще кого бог дает? – спросил я у капитана.

– А вы разве не знаете?

– И не подозреваю.

– Вы не знали, что на моем пароходе отправляется в Рим Карлотта Гризи?

– Слышу в первый раз.

– Странно! – заметил капитан с видимою недоверчивостью, – очень странно; так вы, вероятно, думали, что этот бельгиец облачился в бурнус и дурацкую шапку для моих прекрасных глаз.

Капитан снова расхохотался и снова плюнул фонтанчиком через борт. Знаменитую танцовщицу провожали до парохода директор марсельской оперы и несколько первых сюжетов. Свиту ее составляли курьер и гор-

ничная. Карлотта преградиционно перескочила на висячую лестницу парохода, знаками простилась с своим обществом и вбежала на палубу, где встретили ее весьма неградиозный капитан и, с пленительною улыбкою, бельгиец в африканском бурнусе.

Высокий, миловидный кроат снял было шляпу, но, не замеченный госпожою Гризи, снова надел ее, покраснев до белка глаз, и повернулся к своему товарищу.

Карлотта подала руку мнимому африканцу и сошла в каюту; кроаты последовали за нею, а капитан махнул рукой.

Пароход кашлянул раза два, пустил густую струю дыма, дрогнул и побежал вдоль тысячи неподвижных судов, оставляя за собою черную полосу на небе и белую – на поверхности моря.

Еще минута – и от величественного и многолюдного Марсея и его тысячи кораблей осталось на горизонте одно грязное пятно.

Послав последнее прости Франции, я оглянулся: влеве от меня мелькал в тумане каменный берег, впереди и вправо колыхались зеленоватые волны; надо мною было серое

небо, и подле меня небритый кормчий, который флегматически жевал табак и смотрел на компас; кофейные руки его управляли судном.

Мне в голову пришла забавная мысль: что, если бы можно было пробудить от вечного сна одного из семи мудрецов древней Греции и, поставя его рядом со мною, сказать ему, что судно, на котором он находится, сделано из железа несколько толще бумаги; что судно это без парусов, но идет против ветра с быстротою прыткого бегуна, а движущая сила не что иное, как пар, – и мудрец преклонил бы колено пред изобретательностью настоящего века. Но если бы прибавить к этому, что от малейшей неосмотрительности, от малейшего небрежения вечно пьяного мужика, приставленного к машине, пароход может разлететься вдребезги и что восемь подобных же существ составляют весь экипаж этого огромного судна, мудрец, конечно, вскочил бы на ноги и, позабыв недавний восторг, попросился бы на берег.

Карлотта переменяла костюм и в сопровождении трех моих товарищей вышла на

палубу, а потому мысли мои приняли другое направление и – прости, мудрец!

Гризи было в ту пору лет 25, не более: несмотря на итальянскую кровь, текущую в жилах Карлотты, она бела, белокура и смотрит на поклонников своих темно-голубыми глазами, говорящими красноречивее ее прекрасных уст.

Костюм ее состоял из темно-зеленой блузы, такого же цвета шляпки и воротника из темно-серых белок; муфта и обувь равно опущены были беличьим мехом. Окинув беглым взглядом палубу, Гризи остановила его на мне, или, лучше сказать, на моем широком плаще, сооруженном еще в Москве из беличьего же тулупа; я понял значение взгляда и почти готов был извиниться перед очаровательной Карлоттой, почитавшей белок редкостью; но бельгиец стал между моим тулупом и ею, а я, проглотив извинение, повернулся лицом к морю. Румяный господин побежал за креслом, бельгиец за подушкой, а капитан, заметя свернутую в кольцо железную цепь, лежавшую в нескольких шагах от руля, отодвинул ее ногою и приказал подобрать. Четы-

ре матроса проделали в кольцо толстую палку и с трудом снесли цепь с палубы.

– А что, капитан? в этой цепи пудов двадцать пять будет? – спросил я довольно громко, чтобы обратить на нас внимание танцовщицы.

– Что вы, что вы, – отвечал могучий капитан, – да в ней и пятнадцати не будет; вряд ли есть и двенадцать. – Он плюнул.

– Для одной ноги и эта тяжесть хорошая рекомендация; впрочем, – продолжал я, – скажите мне, оказала ли вам когда-нибудь сила ваша какую-нибудь значительную услугу?

– Очень значительную – нет! Однако ж... – Мы говорили по-французски, и слово «однако ж» заставило Гризи повернуться в нашу сторону; я заметил это движение и принудил капитана продолжать; он скрестил руки на груди, закинул ногу на ногу и, плюнув за борт, сознался, что, еще служа лейтенантом на одном из английских кораблей, отбил кулаком лапу посредственного якоря и так испортил руку, что в дурную погоду и до этой минуты чувствует некоторую боль.

Обстоятельство, названное капитаном

услугою, заставило Карлотту расхохотаться до слез, а мне доставило случай завязать с нею разговор, а за ним и знакомство.

– Vous ktes de la mкme race?[2] – спросила у меня Гризи с насмешливою улыбкой.

– Avec la diffйrence, madame, que nous sommes quelquefois moins bons que nos voisins, [3] – отвечал я, протягивая руку почтеннейшему капитану, который чуть не изломал ее в знак благодарности. Карлотта улыбнулась и замолчала.

Все время до обеда, то есть до четырех часов, прошло довольно скучно; погода видимо портилась, море сердилось, и качка усилилась до того, что ходить становилось трудно.

Пробежав путевой лист капитана, я узнал, что бельгийца зовут Эльгемейном, что румяный господин – отставной поручик Стивицкий, а товарищ его – полковник граф Шелахвич. Последнему оказывал наш капитан особенное уважение: он не только уступал ему шаг вперед, но даже хватался за картуз, когда граф начинал с ним говорить. Шелахвич с первого взгляда чрезвычайно мне понравился; отсутствие всяких претензий, простота не

только в речах, но в самых движениях выказывали в графе порядочного человека. Он был непринужденно учтив со всеми, разговаривал охотно обо всем, позволял себе изредка замечания и даже противоречия, которые, однако ж, никогда не имели целию оскорбить рассказчика. За обедом в общей каюте румяный господин и бельгиец завладели Карлоттою Гризи, которую почти насильно усадили между собою. Я сел рядом с капитаном; полковник поместился возле меня, испанец оградил себя двумя пустыми стульями и ел очень много, не обращая ни малейшего внимания на остальное общество. Бельгиец и поручик поочередно накладывали кушанье на тарелку танцовщицы, угощали ее винами, фруктами и делали ей такие глаза, от которых, вероятно, несчастной Гризи становилось тошно. Не дождавшись конца обеда, она поспешно встала и побежала на палубу, оба кавалера бросились за нею вслед, что заставило капитана расхохотаться во все горло, а испанца горделиво повернуть голову и презрительно улыбнуться.

– Что вы об этом скажете, граф? – спросил

капитан у полковника.

– О чем?

– О любезности этих господ.

– Я, право, не заметил, – ответил тот, продолжая есть преспокойно: новое доказательство умения жить.

Капитан понял неловкость вопроса и, запив его стаканом портвейна, переменял разговор.

– А знаете ли, полковник, – продолжал капитан, – что каждый раз, когда я ем рыбу, я вспоминаю о вас.

– Неужели вы нашли сходство между нами, капитан? – спросил граф, смеясь.

– Как сходство, какое сходство? Разве я мог сказать подобный вздор!

– Вы сказали, что рыба напоминает вам меня.

– Да в каком смысле, – подхватил капитан, – я припоминаю приятеля вашего, адмирала Дюмон-Дюрвиля.

– Ну, теперь я покоен, потому что адмирал, по крайней мере, нимало не походил на этот род животных.

– Полноте, полноте, граф, – воскликнул ка-

питан, – вы очень хорошо знаете, что дело не в сходстве, а в выстреле.

– Да, да, я начинаю припоминать. Какая же у вас память, капитан; и стоит ли говорить об этом вздоре?

– Хорош вздор, прошу покорно!

– А что такое? – спросил я у капитана, – если только вопрос мой не нескромен.

– А вот я вам расскажу.

– Право, не стоит, – перебил полковник, – удачный выстрел, вот и все.

– Положим, а я все-таки расскажу. – Капитан вытер рукавом губы и обратился ко мне всем туловищем.

– В двадцатых годах, – начал капитан, – я перешел во французскую службу и находился на военном фрегате, который имел честь перевозить адмирала из Орана в Тулон. В свите адмирала был полковник (капитан указал на графа). Вот в одно утро матросы заметили, что за рулем крадется акула: дурной знак для моряков. Правда, в наш век подобным пустякам не верят порядочные люди; но, сами посудите, есть ли возможность вбить в матросскую голову, что акула то же, что собака или

другой голодный зверь, которому нужна пожива и больше ничего. Матросы задумались и стали перешептываться. Я был на вахте в то утро и при рапорте доложил адмиралу, что так и так. Адмирал оставил завтрак и в сопровождении всех офицеров взошел на палубу. Как нарочно, погода была тихая, море спокойное, и фрегат едва двигался вперед. «Брось ей что-нибудь», – сказал адмирал, и в тот же миг принесли из кухни несколько кусков мяса; первый кусок испугал животное, которое приостановилось было, но вскоре перевернулось вверх брюхом и, проглотив мясо, быстро догнало фрегат; второй кусочек был проглочен еще скорее, а третий и четвертый до того разлакомили чудовище, что оно без церемоний только что не хваталось за руль. «Есть ли возможность отделаться от этого драгоценного сообщества?» – спросил вполголоса адмирал у капитана фрегата. «Никакой, – отвечал капитан, – иначе я употребил бы на то все средства». Адмирал задумался и потом обратился к полковнику.

– Какая память, какая память, – проговорил, улыбаясь, граф.

– Да, память недурна; но слушайте, – продолжал капитан. – На просьбу адмирала – подарить ему акулу, полковник слегка поклонился и приказал принести штуцер. Общее любопытство дошло до высочайшей степени. Пока граф заряжал ружье и осматривал курок, офицеры тревожно перешептывались между собою; большая часть пожимала плечами, другие улыбались с видом сомнения, а я, признаюсь вам, претросто утверждал, что полковник берется не за свое дело и что ни за какие сокровища не желал бы я находиться в его смешном положении. Но штуцер был заряжен, и полковник подошел к заднему борту; он стал всматриваться в животное, и мы едва переводили дух. «Бросьте ей что-нибудь, – сказал спокойно граф, – и, ежели можно, на веревке». Приказание его было выполнено в точности; половина барана, привязанная к тонкой бечевке, упала в море, и акула перевернулась; но в тот миг, когда пасть ее разинулась и готова была проглотить лакомый кусочек, мы дернули за бечевку, и баран отскочил вперед. Акула несколько минут следовала за приманкою, потом вдруг наддала

ходу и снова перевернулась. «Дерните», – сказал полковник, и в тот миг, как обманутое животное, перевернувшись, обнажило голову, выстрел раздался. Все мы превратились в зрение; никто не дышал. Животное свернулось в кольцо и нырнуло, оставя круг на поверхности моря. «Ну что? – спросил адмирал, – попал ли?» – «Полагаю», – отвечал граф, отдавая ружье. «Но чтоб убить чудовище, нужно пробить ему перемычку глаз», – заметил адмирал. «Знаю», – отвечал граф так же спокойно и так же утвердительно, как бы сказал вам «здравствуйте!». «Кровь, кровь!» – закричал вначале один из адъютантов адмирала. «Кровь!» – повторили все без исключения, и не понимаю, как я не перескочил за борт. Адмирал приказал спустить в море шлюпку и сам в сопровождении графа и нескольких офицеров, – а в том числе и меня – сел в нее, и мы стали грести по направлению кровавого пятна.

– Славная минута, – заметил как бы нехотя граф.

– Я думаю, что славная, – прибавил капитан, – потому что едва мы наехали на место

казни, как из глубины моря показалось беловатое, довольно длинное пятно; пятно это обрисовалось явственно, а чрез минуту издыхающее животное всплыло на поверхность воды. Разумеется, рукоплескания целого экипажа, громкое виват отвечали нашему крику, и чудовище с перебитою перемычкою между глаз приняло с восторгом на борт адмиральского фрегата.

– Что же тут необыкновенного: удачный выстрел и больше ничего, – повторил полковник, стараясь уклониться от комплимента, который был уже на конце моего языка.

– Если б смерть акулы была простая удача, то не стоило бы и говорить о ней; но, не отказавшись стрелять в присутствии многочисленного общества совершенно посторонних людей и адмирала, вы выказали такую уверенность, которая должна бы была уничтожить вас в общем мнении, если б уверенность эта не оправдалась самым делом, – заметил я.

– Следовательно, вы полагаете, что можно быть уверенным в выстреле? – спросил полковник, обращаясь ко мне.

– До этой минуты я был далек от подобного предположения.

– И вы были совершенно правы; допустив твердость руки, привычку к оружию и частое упражнение, нельзя не взять в соображение качку судна, с которого вы стреляете, а главное, и что всего важнее, – отблеск цели и подвижность ее; из этого всего вы видите ясно, что выстрел мой был только удачен, а решившись стрелять, я исполнил желание покойного адмирала, которого любил и уважал от всего сердца.

Граф глубоко вздохнул и, пройдясь несколько раз по кают-компании, поспешно вышел вон.

– Сгрустнулось ему, – сказал капитан, смотря ему вслед, – и, кажется, я глупо сделал, напomniaв об адмирале.

– А скажите мне, капитан, вы коротко знаете графа?

– Я много слышал о нем; впрочем, я знаю его с давнего времени столько, сколько может знать проезжего кондуктор дилижанса. Храбрость, хладнокровие и благородство полковника вошли в поговорку в тех странах,

где он служил.

– А где именно? – спросил я.

– Везде, где дрались и была опасность. Нет войны, полковник ищет четвероногих неприятелей, конечно, не кроликов, но врагов повыше и потолще, а главное – посердитее.

– Однако выйдемте-ка на палубу; скоро смеркнется, а море шалит не на шутку, – и капитан помог мне вскарабкаться на лестницу, которая беспрерывно ускользала у меня из-под ног: так сильна становилась качка.

Во время нашего отсутствия все остальное общество перешло с верхней палубы на нижнюю и расположилось на скамьях вокруг трубы: в этом месте, то есть на самой середине парохода, движение судна было менее чувствительно. Может быть, я ошибался, но мне показалось, что взор прекрасной Карлотты прояснился при появлении новых лиц; не знаю, что именно причиняло эту перемену – радость ли видеть капитана, моя ли особа, или случай отдохнуть от приторных любезностей румяного господина и бельгийца, который, несмотря на всю прелесть своего восточного костюма, дрожал всем телом от холода и на-

чинал уже говорить как-то несвязно. Гризи пригласила нас присоединиться к ее кружку и даже отодвинулась от бельгийца, чтоб дать место капитану, но тот извинился и прошел далее; а я поблагодарил за приглашение и подсел к полковнику, который страх как начинал интересоваться меня.

– Venez a notre secours, monsieur,[4] – сказала Карлотта, обратясь ко мне, нам очень скучно, и, к моему несчастью, ночь на пароходе – значит ночь без сна.

– Благодарим вас за комплимент, сударыня, – возразил румяный господин.

– О! не сердитесь на меня, ради бога! мы некоторым образом принадлежим морю в эту минуту; а вы знаете, что откровенность – добродетель моряков.

– В таком случае благодарим не за комплимент, а за откровенность, – подхватил обиженный бельгиец.

Карлотта расхохоталась. «Но согласитесь, господа, – продолжала она, – что как бы общество ваше ни было завлекательно, как бы ум ваш ни был игрив, не напоминаете ли вы мне прелестный Париж, любезную Францию, в ко-

торой я провела все годы однообразной моей жизни; не составляете ли вы образцов чего-то целого, прекрасного, но знакомого; между тем не истинная ли находка для меня житель далекой, незнакомой, но любопытной страны, сын снегов, член нации, оставившей нам в наследство такие страшные воспоминания, такие легенды ужаса, от которых, бывало, ребенком я содрогалась во сне; согласитесь же, господа, что не воспользоваться случаем, забросившим русского в наш кружок, было бы непростительно.

Бельгиец в эту минуту променял бы, я уверен, свой бурнус и пунцовую феску на олений тулуп и шапку лапландца, но увы! было поздно, и настал мой черед; я объявил Карлотте, что готов дать все возможные сведения, начиная от ловли архангельских сельдей до охоты за белыми медведями.

Карлотта сделала мне множество вопросов, на которые я отвечал, как умел, а заключил торжественным приглашением посетить нашу русскую сцену. Карлотта отозвалась страхом – отморозить ноги во время русской зимы, а я обязался предупредить подобное

несчастье, обещав подостлать под миньятюрные ножки Карлотты ковер из свежих камелий и роз.

Карлотта видимо интересовалась нашей беседой; бельгиец кусал губы, а румяный господин и море хмурились все более и более. Вдруг неожиданный поворот судна – и черный вал ударил в борт; пароход покачнулся; второй удар – и вода пробежала тысячью ручьев по палубе. Карлотта вскрикнула, а испанский гранд, забытый всеми, подъехал, сидя на скользком полу, к нашему обществу. Все расхохотались, подняли испанца и передали на руки прибежавшему капитану, который в свою очередь передал его двум слугам с приказом уложить его в койку. Потом капитан извинился перед нами в неловкости управлявшего рулем, который уже с распухшею щекою отослан был в люк.

– А вы испугались, сударыня, – проговорил, дрожа, бельгиец.

– Немного, признаюсь; мне вообразилось, что мы столкнулись с кем-нибудь. Ночь так темна, что это легко могло случиться, – отвечала Гризи, усаживаясь уже не на скамейку, а

на самый пол; мы последовали ее примеру.

Румяный господин распространился о невозможности подобного столкновения, приводя, между прочим, тысячу примеров, опровергавших его же слова. От несчастных случаев, изложенных румяным господином, разговор постепенно перешел к другим предметам и, наконец, к страхам всякого рода.

– Испытали ли вы когда-нибудь это чувство? – спросила у меня Гризи.

– Много раз в моей жизни, – отвечал я.

– И вы помните эти случаи?

– Некоторые, да.

– А расскажете ли их нам?

– С удовольствием; но предупреждаю, что случаи эти не занимательны.

– Вы слишком скромны, – заметила Гризи.

– Нимало, – отвечал я, – и повторяю, что охотно сознаюсь в слабости, заставляющей краснеть наш пол.

– Позвольте, однако ж, предупредить вас, господа, – прибавила Гризи, – что я соглашусь выслушать первое сознание с условием, чтоб все мы поочередно сделали то же; согласны ли вы?

– С радостью, – отвечал, улыбаясь, полковник.

– Je mettrai ma m^omoire a la torture pour vous ktre agr^oable, madame,[5] – пробормотал бельгиец.

– Choisissez plutot, ce que vous avez de plus ri^oquant,[6] – отвечала иронически Гризи.

Положение мое становилось затруднительно. Изъявив однажды согласие рассказать что-нибудь, я отказаться не мог; а между тем, вопреки всей готовности выполнить обещанное, я чувствовал, что не в состоянии сказать двух слов, не только выдумать занимательное происшествие. Судьба, казалось, сжалилась надо мной, подослав капитана, за которого ухватился я обеими руками.

– Вы должны начать, – кричал я капитану, – вы хозяин, мы гости, и первый шаг во всем ваш.

– Но что такое? – спросил капитан.

Я объяснил ему, в чем дело; ко мне присоединились прочие, и сбитый с толку капитан, осажденный со всех сторон, сдался и стал плевать. Молчанье водворилось, а я внутренно отдохнул. Потом, не скрываю, мне очень лю-

бопытно было знать, что могло перепугать человека, подобного капитану.

– Ну что же, капитан? мы слушаем; только, пожалуйста, что-нибудь пострашнее; поверите ли, – прибавила Гризи, – я начинаю уже чувствовать какого-то рода холод.

– Тем хуже, сударыня, – отвечал капитан, – потому что случай, который я намерен рассказать, так глуп, что, право, совестно.

– Но ведь вы были испуганы?

– До смерти; сознаюсь, и вот почему совестно, право.

– Все равно; прошу, не мучьте нас, я не только прошу, но приказываю начать; итак...

– Нечего делать! – проговорил капитан и начал таким образом:

«Прежде всего я должен познакомить вас с тем обществом, в котором я родился.

Мне было лет двадцать, когда отец мой, лесничий, высек меня за последнюю шалость и выслал из дому с приказом не являться прежде, чем я не сделаюсь чем-нибудь. От того места, где проживал отец мой, мне предстояло пройти пешком до Готенбурга; а уж из этого города знакомый мне рыбный торговец

обязался доставить меня морем в Стокгольм. До Готенбурга дорога шла дремучим лесом, миль на сорок; со мной было ружье и порядочный запас снарядов. Я шел и стрелял; а на ночь останавливался у лесников, подчиненных отцовскому управлению. Мое знание края было так ограничено, что под вечер вторых суток я коснулся незнакомой границы, а на следующее утро вступил на землю совершенно чужую. Хозяин последнего ночлега, добрый человек, предупредил меня, что выстрел в чужих лесах окупается часто личною свободою, не говоря уже о побоях и прочих неудовольствиях, на которые я не обращал большого внимания. Вспомнив, что последний проступок мой в доме отца состоял в увечье быка, которому я в сердцах переломил кулаком спинную кость, я из этого воспомина- ния извлек уверенность оградить себя от всякого нежданного нападения. В таком-то рас- положении духа побрел я по незнакомой мне дороге; тропинки расходились во все сторо- ны; я выбирал средние и старался держаться одного направления. Вдруг на опушке слы- шался шелест чего-то бегущего; я присел на

дорогу, шелест затих, ничего не выбегало, и я пошел далее; вскоре раздался отдаленный лай целой стаи собак; лай делался явственнее; собаки приближались; меня бросило в жар. Забыв наставление лесника, я невольно приподнял ружье, и – вовремя, потому что позади меня из опушки на дорогу выскочил пре-большой волк: я выстрелил, волк визгнул, сделал прыжок и упал замертво.

С криком радости бросился я на добычу, приподнял ее за голову и осмотрел рану, и только что не стал целовать ружье, как подбежавшая стая окружила меня, собаки вертели хвостами, казалось, улыбались мне; я был совершенно счастлив, но за собаками прискакали охотники, и, сколько помню, их было около десяти человек. Многие из них подняли было бичи, но по приказанию начальника опустили их и стали в почтительном отдалении.

– Кто ты таков и откуда? – спросил повелительно тот, которого я принял за начальника.

Я сказал свое имя и место жительства моего отца.

– Ты – сын лесничего, и не знаешь, что охо-

титься в чужих лесах считается преступлением.

Я не отвечал ни слова.

– Понимаешь ли, что я вправе бросить тебя в тюрьму, – продолжал он, смягчив, однако, голос.

– За хищного зверя? не думаю, – отвечал я спокойно.

– А если бы на место волка на тебя набежала бы серна, что бы ты сделал?

– Я убил бы серну.

– Ты сознаешься? – спросил он почти с улыбкою.

– Я никогда не лгу; и признаюсь, что, будь серна, я точно так же стрелял бы по ней, как по волку.

– Bravo! – воскликнул он голосом, который не выражал уже более ни гнева, ни даже неудовольствия, – я люблю подобных молодыхцов, ежели ты не хвастун и не трус.

– Я не хвастун и не трус, – сказал я с досадою.

– Следовательно, ничего не боишься?

– Ни вас и ничего на свете.

– А если так, то мы увидим.

Господин повернул свою лошадь и сказал вполголоса несколько слов одному из охотников, который был одет щеголеватее прочих, и потом, обращаясь снова ко мне, прибавил:

– Ты пойдешь за нами и не будешь пытаться уйти?

– Даю слово, что не уйду, – отвечал я и, закинув ружье на плечо, последовал за охотниками, которые, привязав волка к одному из своих седел, стали разъезжаться.

Догнав господина, ехавшего рядом с молодым человеком, я спросил, могу ли стрелять во время охоты.

– Можешь, – ответил он, и я зарядил ружье. Собаки напали на лисицу; охотник поскакал вперед; господин с товарищем последовали за охотниками.

Я знал, что лисица должна возвратиться на то самое место, с которого ее подняли, и потому не торопился вперед».

– Но неужели вы не воспользовались этим случаем, чтоб скрыться? – спросила с удивлением Гризи.

– Как скрыться? от кого скрыться? – проговорил удивленный капитан.

– От людей, которые готовили вам неприязнность.

– Разве я вам не сказал, что господин охоты взял с меня слово следовать за ним, – заметил очень серьезно капитан, – так как же я мог скрыться?

Гризи замолчала. Капитан продолжал:

«Чего я ожидал, то и случилось: дав большой круг, лисица возвратилась в мою сторону и выскочила на небольшую полянку; я пустил заряд и перешиб ей передние ноги; лисица завертелась на одном месте, я взял ее и остановил собак.

– Да, ты славный стрелок, – воскликнул подскакавший ко мне господин.

– Не дурной, – отвечал я и, передав трофей своей охотникам, последовал снова за ними.

Солнце село, когда мы прибыли к месту жительства начальника. Перед нами отворились ворота, и тогда только я убедился, что полонивший меня барин был не простой, а большой барин. Жилище его состояло из огромного строения с башнями, галереями, колоннами и всеми принадлежностями старинных баронских замков. Правда, все это по-

росло мхом, местами на башнях и крышах виднелись березки, местами стены были пробиты и окна стояли без стекол и рам. Господин подъехал к крыльцу и с помощью слуг, выбежавших к нему навстречу, сошел с лошади. Я, признаюсь, невольно снял шляпу и остановился в ожидании приказания. Он заметил это движение и дал знак идти за ним. Мы молча прошли несколько коридоров и наконец достигли главной лестницы.

– Ты останешься здесь, – сказал он, указав на дубовую скамью.

Я повиновался, а он в сопровождении слуг пошел по широким каменным ступеням во второй этаж.

Оставшись один в темноте, я предался размышлению. «Кто бы мог быть этот барин? – спрашивал я у самого себя, – и какая участь, какое наказание ожидают меня в этом огромном и мрачном замке, о котором я не имел никакого понятия, но слышал много ужасного». То мне казалось, что господин начальствует шайкою разбойников; то тот же господин, по моему мнению, был какой-нибудь принц, короче, я недалек был от помешатель-

ства. Вскоре, однако, на той же лестнице явился слуга со свечою в руках и преучтиво просил меня последовать за ним. Взойдя на лестницу, слуга отворил первую дверь и пропустил меня в большую залу, довольно ярко освещенную. Посреди стоял накрытый круглый стол, уставленный всякого рода посудой, бутылками и прочими принадлежностями. Посреди всего этого горело несколько свечей. В зале никого не было, кроме меня и слуги, весьма неразговорчивого, потому что он не промолвил ни одного слова. Если это тюрьма, подумал я, то жаль, что попался мне волк, а не серна: меня продержали бы здесь долее. Через несколько минут противоположная дверь отворилась настежь, и вошел знакомый господин с какою-то дамою и тем молодым человеком, которого я видел на охоте. Господин был пожилой, а дама очень миловидна и несколько похожа на господина; сходство оправдалось, дама была его дочь, а молодой человек – сын. Я неловко поклонился вошедшим и принялся мять свою шляпу.

– Ну, что же ты стоишь? – спросил меня ласково господин, садясь за круглый стол.

Я посмотрел на него в недоумении; он повторил вопрос; я сделал несколько шагов вперед, он указал мне на четвертый стул; я понял наконец и уселся, все-таки молча и не поднимая глаз. Я чувствовал, что все взоры обращены были на меня, и мне было так неловко, что я готов был провалиться сквозь землю. Слуга подал моей соседке блюдо с чем-то превкусным; она положила себе очень мало; слуга поднес то же блюдо мне; я совершенно растерялся и отворотил голову.

– Что же ты не ешь? – спросил, смеясь, господин, – после прогулки молодому человеку не мешает поужинать.

Я хотел встать, чтобы приличнее поблагодарить хозяина, и чуть не опрокинул блюда; тогда соседка моя сжалилась надо мной, взяла у меня тарелку и, наложив ее доверху, поставила передо мною. Я принялся есть понемногу; блюдо было так вкусно, что я ободрился и, очистив тарелку до дна, выставил ее вперед: так по крайней мере делалось в доме отца моего; дама улыбнулась. Между первым блюдом и вторым господин обратился к даме.

– Знаешь ли, друг мой, чему ты обязана

знакомством с твоим соседом?

Дама посмотрела на меня с любопытством.

– Он хозяйничает в лесах моих, как друг дома, и ничего, формально ничего не боится, так по крайней мере выразился он при десяти свидетелях; а он хотя и молодой человек, но не верить ему – значит оскорбить его.

– Свидетелей не нужно! – воскликнул я довольно твердо, – и повторяю, и готов повторить сто раз еще, что не боюсь ничего на свете.

– Кто ничего не боится, – возразил господин, – того ничем не испугаешь, ни мертвыми, например, ни привидениями, – прибавил он, значительно посмотрев на молодую даму, которая невольно содрогнулась и обратила на него умоляющий взор.

Я понял этот взор и совершенно ободрился.

– Не только мертвых и привидений, которым не верю, – отвечал я насмешливо, – но даже...

– Что даже? Что даже? Что ты хочешь сказать? – перебил пожилой господин.

– Ни даже черта! вот что я хотел сказать.

– Ну, молодец, ей-ей, молодец! Вот тебе ру-

ка моя, что я дам тебе случай доказать нам твой неустрашимый характер.

И господин налил мне полный стакан прекрасного вина, который я осушил одним разом. Потом он сказал несколько слов на ухо молодому человеку, который, кивнув головою, шепнул что-то молодой даме, дама побледнела и бросила на отца тот же умоляющий взор.

– Что же тут находишь ты страшного или невозможного? – спросил господин.

– Это было бы жестоко, батюшка!.. – проговорила дама. – Зачем же заставлять делать другого то, чего бы мы сами сделать не согласились?

– Разве кто-нибудь из нас сказал, что ничего не боится?

– Согласна, – отвечала дама, – по крайней мере предупредите его!..

– Напротив, без всякого предупреждения; иначе как же мы удостоверимся в его бесстрашии.

При этом господин встал из-за стола и подал руку даме.

Я отвесил низкий поклон всему обществу

и отошел к окну, а они долго еще шептались между собой. Как я ни был молод и глуп, а все-таки понял, что дело шло о каком-то испытании, которого, однако, я отгадать не мог. По совести, я ничего не боялся и смолоду хохотал от всей души, когда старухи толковали мне о привидениях, а к мертвым привык, провожая часто окружного лекаря нашего на следственные дела; я присутствовал не раз при вскрытии тел и, случалось, ночевал с ними в одном сарае.

Прошло этак с полчаса; наконец пожилой господин поцеловал молодую даму в лоб, молодого человека в щеку и, проводя их глазами до дверей, возвратился ко мне.

– Устал ты? – спросил он, смотря на меня пристально.

– Немного устал, – отвечал я.

– А ежели устал, так ступай спать; я даже провожу тебя.

Я поклонился.

– Ты не тревожься, – продолжал он, – за истребление волков у нас не наказывают, а награждают, и обижать тебя здесь никто не думает и не желает; я люблю молодцов и завел

тебя сюда, как гостя; переночуешь у меня, а завтра я дам тебе письмо к брату в Стокгольм: ты, верно, желаешь определиться на службу?

– Это мое единственное желание.

– В какую именно?

– В морскую.

– Бесподобно! – воскликнул господин, – брат мой член Морского Совета, и одно его слово может доставить тебе место волонтера на одном из королевских кораблей.

Я пренизко поклонился.

– Ну, теперь пойдём со мною: я укажу тебе твою спальню.

Господин приказал одному из своих слуг идти со свечой вперед, а я пошел сзади».

– И вам не было страшно? – спросила Гризи.

– Уверяю вас, – отвечал капитан, – что не только не страшно, а мне страх хотелось спать. Но слушайте; конец, предупреждаю вас, очень глуп. Как быть! и сознаюсь, что глуп, а по совести, повторись это со мною и в этот миг, я, мне кажется, умереть бы не умер, а может быть, перескочил бы через борт. Такова натура: что будешь делать?

Мы молча посмотрели друг на друга; Гризи придвинулась к полковнику, который слушал капитана с большим вниманием. Бельгиец, под предлогом холода, обошел капитана и сел между мною и румяным господином. Надобно заметить, что именно с моей стороны и дул морской ветер. Ночь была так темна, так мрачна, что действительно в двух шагах невозможно было рассмотреть ничего; один капитан, стоявший перед нами, ярко отделялся от мрака, ярко озаренный светом, пробивавшимся сквозь верхние рамы кают-компаний.

Когда бесстрашный бельгиец совершил свое перемещение, капитан снова начал рассказ.

«Всякий раз, как я припоминаю себе это глупое происшествие, мне всегда становится досадно; как было не догадаться, что вежливость хозяина замка, внезапный переход от угроз к ласке и, наконец, все, что со мною случилось в продолжение вечера, клонится к чему-нибудь необыкновенному? Нет; в ту минуту мне казалось, что так быть должно, и за господином я шел, как гость, по всему равный

хозяину. Первые четыре комнаты были, вероятно, жилые: убранство их носило на себе отпечаток свежести; самый воздух, согретый большими каминами, был тепл, как в той зале, где мы ужинали. Из четвертой мы вошли в нечто вроде ротонды, а из нее в длинный ряд высоких холодных покоев, сырых и совершенно пустых; на мрачных потолках летало что-то; господин часто и робко озирался во все стороны и беспрестанно напоминал слуге, чтобы он от сквозного ветра не потушил свечи. Наконец последняя дверь скрипнула на ржавых петлях, и меня ввели в мою спальню. Едва я окинул взором этот покой, как во мне родилось сомнение; я почти убедился, что хозяин замка хочет позабавиться на мой счет и испытать, до какой степени может простираться глупость сына бедного лесничего. Вообразите комнату, обтянутую дорогою матернею, с золотом на карнизах, окнах и дверях, с двуспальной кроватью из золоченого же дерева, с высокими креслами, обитыми бархатом. Гардины, опущенные до полу, были также бархатные, с бахромою и кистями, сплетенными из шелка и золота; короче, я

никогда не представлял себе королевской спальни столь роскошной. Слуга поставил свечу на мраморный стол и, по приказанию господина, вышел за дверь; а хозяин, расположившись в креслах, подозвал меня.

– Теперь, – сказал он, – я объясню то, чего я от тебя требую; исполнишь ты мое желание, будешь молодец и достоин моего покровительства, а не желаешь выполнить его, откажись и ступай спать на псарню.

– Готов и слушаю, – отвечал я.

– Вот в чем дело, – отвечал господин, – уверяют, что замок не чист; понимаешь ли?... Я, признаюсь, сам лично в этом не удостоверился, но слышу ежедневно от слуг моих, что в этой комнате, именно в этой, где мы теперь находимся, происходит что-то необыкновенное. В полночь, когда во всех остальных частях замка все тихо и спокойно, тут раздается шум, треск, писк и черт знает что. А как ни поместья, ни замка я еще не взял у одного из моих должников, то и желаю удостовериться, что бы все это значило и не кроется ли во всем этом обман. Ну, понимаешь ли, друг мой?

– Понимаю и остаюсь ночевать, – отвечал я смеясь, – и уверяю вас, что никакие домовые, никакие привидения не испугают меня.

– Прощай же; добрая ночь, – сказал мне господин, – а завтра ты придешь рассказать, что видел.

– Во сне разве?

– Во сне или наяву, это мы увидим, – и господин зажег сам одну из свечей, приготовленных в моей спальне, позвал слугу и вышел. Когда дверь отворилась, я слышал, как ее заперли на замок.

«Так вот в чем состоит испытание», – подумал я, внутренне смеясь над забавными и бессмысленными предрассудками людей, предрассудками, которыми, к стыду нашему, многие заражены в моей отчизне.

Между тем я осмотрел постель, обошел комнату, раздвинул гардины окон и выглянул в них. На обширном дворе замка все было тихо и спокойно.

Окончив осмотр, я разделся, закутался в мягкое одеяло, задул свечу и заснул крепким сном. Вдруг...»

– Позвольте перевести дух, – сказала Кар-

лотта, – я ожидаю чего-то ужасного.

Капитан закурил сигару, и мы поочередно старались ободрить слушательницу.

«Итак, я заснул крепчайшим сном, – продолжал капитан, – не помню и не знаю в точности, долго ли продолжался сон мой, как вдруг мне явственно послышалось что-то вроде беготни; я проснулся и раскрыл глаза: шум утих, а в комнате было так темно, что все мои усилия рассмотреть окружавшие меня предметы остались без успеха: я повернулся на другой бок и прикинулся спящим. „Не вздумал ли кто-нибудь пугать меня?“ – подумал я и с этою мыслью чуть снова не заснул; на этот раз мне явственно послышалось, что кто-то подбежал к постели, и в то же время я почувствовал, что меня хватают за голову, за руки, за ноги; я быстро повернулся и протянул вперед обе руки... о, ужас!»

– Что же, что? продолжайте, ради бога! – закричали мы с невольным беспокойством.

– Я лишился чувств и наутро пришел в себя с сильною болью в груди, спине и голове. Меня оттирали щетками и поливали крепким спиртом.

– Ну, что же вы видели, что вы схватили, капитан, не мучьте нас, ради бога?

– Что схватил? – повторил гробовым голосом капитан, – что схватил?

– Верно, привидение! – кричал один, – чудовище? – вопил другой, – одним словом, что-нибудь необыкновенное?

– Хуже, во сто крат хуже, – сказал капитан, – я схватил мышь!

– Как мышь?

– Так! мышь и прежирную.

– Mon Dieu, que c'est bkte![7] – невольно воскликнула Гризи и покатила со смеху; хохот этот повторился всеми голосами и продолжался до тех пор, пока слуга не объявил по крайней мере в десятый раз, что ужин готов. Веселость, произведенная рассказом капитана, заступила место минутного страха, и во время ужина все поочередно старались блеснуть остроумием, что и заставило бельгийца сказать тысячу пошлостей.

Гризи не могла смотреть на серьезного капитана без смеха, на что богатырь отвечал благосклонною улыбкою.

– Ведь я предупреждал вас, что развязка

истории моей большая глупость, и чем же я виноват, что, начиная с прадеда, вся порода наша не переносит ни мышей, ни крыс?

– Но можно ли было мистифицировать нас так долго?

– Почему же, сударыня? вам нужна была история, не выдумка, а быль. Вам нужно было сознание в робости, и я обязался исповедовать робость эту во всеуслышание.

– И так завлекательно, и так мило, – перебила Карлотта, – что сердиться на вас было бы еще глупее вашей истории; но, господа, чей черед и за кем кафедра? Ужин кончен; надеюсь, никто не хочет спать, и потому прошу покорно за мною на палубу.

Мы с шумом последовали за Гризи и в прежнем порядке расположились на полу.

Бельгиец подсел было к ножкам хорошенькой танцовщицы, но получил немедленный и довольно положительный приказ пересесть, и как можно далее.

Карлотта бросила жребий, и судьба указала на румяного господина. Он долго кичился, вертелся, заставлял себя упрашивать и наконец рассказал такой вздор, который не помню подробно, да если бы и помнил, то, конечно, не потрудился бы записать. Содержание его было следующее:

«Отцветший красавец во время пребывания своего в поэтической Венеции присутствовал при погребении прекрасного создания, в которое влюбился и поклялся любить вечно. Мертвое прекрасное создание явилось красавцу в полночь и назначило свидание на

крыльце палаццо дожей, откуда румяный господин отправился с мертвою в гондоле и пел с нею дуэт посреди лилового моря; мертвая дала ему поцелуй, оставивший на сердоликовом рте рассказчика вечное, неизгладимое пятно, а сама исчезла в волнах».

По окончании фантастической повести, капитан поднес было фонарь к устам отставного поручика Стивицкого, но пятна не оказалось; поручику и всем нам стало как-то неловко. Но второй жребий достался полковнику, и все единодушно потребовали рассказа.

Полковник не делал никаких затруднений и предисловий и начал рассказ свой, который тем более интересовал меня, что каждое слово его дышало истиною.

«С тех пор, как я себя помню, — сказал граф, — помню себя одиноким; принятый ребенком в доме глухого старика, моего родственника, я рос без наставников, без друзей и без всякого присмотра. Может быть, вследствие подобного воспитания, а вероятно, и по врожденным склонностям, с самого младенчества я избегал общества; не любил его, не

привыкал ни к чему и ожидал с нетерпением минуты моего совершеннолетия. Единственным желанием моим было обратить в деньги все, что мне досталось по наследству от родителей, и бежать куда бы то ни было. Едва ми-нул мне двадцать один год, как тот же глухой родственник дал за земли мои, что хотел, и, снабдив меня заграничным паспортом, простился со мною довольно холодно. Я проехал в Англию, из Англии на первом корабле отправился в Индию и т. д. Страсть к охоте была во мне господствующей страстью; сколько раз проводил я целые месяцы под открытым небом, кочуя в обществе дикарей, с которыми иногда, не понимая их языка, принужден был объясняться знаками. Стреляя поря-дочно, я внушал случайным товарищам моим доверенность и уважение; на руку мою надеялись как на верную помощь, и, действительно, я не помню, чтоб пуля моя миновала цель, и при всем этом я должен прибавить, что страсть к охоте не была во мне безотчетною, бешеною страстию: нет, я был осторожен; каждый шаг свой рассчитывал вперед, всякий случай предвидел, и никогда зверь не

имел надо мною никакого преимущества. Изучив свойства неприятеля, с которым имел дело, я никогда не шел против него один; потом шел вооруженный столько, сколько того требовали обстоятельства; самая местность входила у меня в расчет; наконец двадцатилетняя опытность сроднила меня с мыслию, что робость не может быть мне доступна, и эту уверенность, признаюсь вам, я внутренно гордился – и что значил слон, когда на расстоянии ста шагов я уверен был посадить ему пулю в ухо; что значил тигр, которого давит безоружный индеец ремнем своим, и я не раз толковал о допотопных животных, не существующих более: так прискучили мне все породы знакомых зверей».

– А случилось ли вам охотиться на льва? – спросил я у полковника, перебивая его.

– Позвольте; он-то и доставляет мне честь ораторствовать в вашем присутствии, – отвечал, улыбаясь, граф, и продолжал:

«В апреле прошедшего года прибыл я в Бону; цель поездки моей в Африку была экспедиция, предложенная мне одним из знакомых французских генералов, стоявших с сво-

им войском в Константине. Переночевав в единственной гостинице города, я на следующее утро явился к коменданту и обедал у него. Прощаясь со мною, он предложил мне присоединиться к военной партии, отправленной им с провиантом в Константину; предложение это пришло мне очень по сердцу: я был уверен, что найду в числе офицеров своих старых знакомых. Я поблагодарил коменданта, пробыл еще двое суток в городе, а на третьи в пять часов утра сел на мула и пустился вслед за командою, которая опередила меня двумя часами.

Я выехал из стен Боны совершенно один, хотя дорога в Константину не безопасна; но правительство приняло против этого деятельные меры, и на расстоянии сорока французских миль, разделяющих эти два города, поставлен значительный отряд войск для конвоя проезжающих.

Я расчел, что отряд наш, шедший шагом, употребит не менее шести часов для достижения первого этапа, следовательно, пустив мула рысью, я легко мог догнать его в полтора часа. Въехав в Алькарасскую долину, примы-

кающую к самым стенам города, я заметил вдали всадника, следовавшего по одному со мною направлению; он был в солдатской шинели и в красной фуражке.

«Попутчик!» – подумал я и приударил мұла. Едва мы поравнялись, как всадник остановил коня, взглянул на меня с большим вниманием и, сняв фуражку, закричал: «Salut, mon colonel!»[8]

– Разве вы меня знаете? – спросил я.

– Я имел честь встречать вас в Алжире, граф, и неоднократно, – отвечал он.

– В таком случае очень рад и поедем вместе. Вы, верно, принадлежите к отряду, – продолжал, я, нимало не заботясь о том, что даже не спросил имени своего спутника.

– Нет, не принадлежу, а пристану к нему охотно, покуда путь один.

– Стало быть, вы отправляетесь не в Константинополь?

– Не совсем, полковник; место моего назначения – Гельмское укрепление; оно ближе Константины несколькими часами.

Мне казалось, что мы сказали друг другу все, что имели сказать, но я ошибся: товарищ

мой, зная, с кем имеет дело, заговорил об охоте; а начав раз, он не мог кончить, потому что главное удовольствие людей, одержимых этою страстию, состоит в том, чтоб передавать кому бы то ни было давно забытые похождения и наслаждаться впечатлением рассказа.

Проехав долину и миновав старасскую дорогу, мы продолжали путь по холмам, местами обросшим соснами и оливковыми деревьями. Вдали тянулись возвышенности, прилегающие к Атласу; изредка среди густой зелени пестрели развалины, – жалкий остаток римского величия; а в полдень мы присоединились к отряду и с ним вместе провели ночь в дрейянском лагере.

Не найдя между офицерами ни одного знакомого, я ограничился обществом своего спутника и продолжал с ним путь до Гельмского укрепления, которое составляет третий этап. Спутник мой предложил осмотреть развалины христианской церкви, передал довольно подробно легенду нескольких памятников и в заключение попотчевал меня кофе, без которого, как говорил он, обходиться никак не

МОГ.

За кофе речь коснулась опять охоты; но я забыл вам сказать, что речь эту вел я один, а он только слушал со вниманием человека, которому предмет разговора знаком только понаслышке.

– Но неужели вы не ощущали ни малейшей робости, стоя, например, против тигра? – спросил у меня мой спутник.

– Не помню, а кажется, никогда.

– Удивительно, – промолвил он недоверчиво.

– Почему же?

– Потому что тигр прехитрое и прековарное животное, прыжки его направляются безошибочно, а они смертельны.

– Но против прыжков есть надежная рогатина, а для рогатины две твердые руки товарища, – отвечал я. – Вот если бы лев, это другое дело.

– Лев! – возразил он, – да помилуйте, что значит лев? То же, что корова, что всякая домашняя скотина. Поверьте, разницы большой нет, по крайней мере для меня.

– Но разве вы встречались с ним?

– Со львом?

– Да!

– Да чем же я и занимаюсь, как не этими встречами и даже в эту минуту?...

– Неужели вы Жирар? – воскликнул я почти с восторгом.

– К услугам вашим, граф! – отвечал, улыбаясь, скромный истребитель львов.

– И вы не назвали себя ранее и слушали с таким вниманием мои ребяческие подвиги? Я этого вам никогда не прощу, – прибавил я, краснея, как школьник перед учителем.

– А может быть, простите, – перебил Жирар.

– Не думаю.

– Ни даже, если б, например, я передал вам права мои на первую львиную шкуру?

– Убитого вами льва?

– Нет, живого и здорового.

– А где его взять?

– Надеюсь, недалеко отсюда.

– Вы шутите.

Жирар вместо ответа вынул из кармана сложенный лист бумаги и передал его мне.

Я развернул бумагу и чуть не запрыгал от

радости; то был открытый лист и предписания местным отрядным командирам давать по требованию Жирара то число людей, которое он найдет нужным для истребления львов в окрестностях гельмского лагеря. Жирар прибавил, что недавно поблизости Гельма открыта туземцами свинцовая руда, которую правительство предписало разработать; а как частые посещения всякого рода животных беспокоят рудокопов, то и прислан он, Жирар, поохотиться.

– Когда же мы отправимся? – спросил я.

– Через час, если вам угодно, – отвечал он.

Через час мы расстались с отрядом и выехали из лагеря».

– Скажите, полковник, наружность Жирара соответствует ли его силе? – спросил румяный господин.

– Кто же вам сказал, что он силен, – отвечал граф. – Он меньше меня ростом, узок в плечах и такой доброй наружности, что, смотря на него, конечно, никто не догадается, что наружность эта принадлежит грозному бичу львов. Прибавьте ко всему этому скромность и неловкость молодой девушки, и вы получи-

те полный портрет Жирара.

– Итак, граф, вы выехали из лагеря.

«Да, в этот же вечер и чрез несколько часов мы остановились посреди шалашей рудокопов. Появление Жирара было истинным праздником для этих бедных людей. Целая толпа женщин, покрытых рубищами, окружила его со всех сторон; многие поднимали кверху детей своих, кланялись до земли, кричали, смеялись и даже прикладывались к полам его сюртука. Нам отвели лучший шалаш; разостлали в нем несколько войлоков и снабдили нас фруктами, кабаньим мясом и всем, что нашлось лучшего в этом краю. Когда же жители маленькой колонии разошлись, Жирар потребовал к себе одного из старших. К нам явился высокий и худой араб в засаленном бурнусе; он бросился к ногам Жирара и целовал их, потом встал и скрестил руки на груди.

– Часто ли показывается лев? – спросил Жирар.

– Ах, как часто! ах, как часто, и не без крови! Несчастные стада! и все погибнет! и скорбь людям! и...

Араб, словоохотливый, как все его соотечественники, не кончил бы никогда; но Жирар крикнул на него, и араб умолк, бросившись снова к ногам нашим.

– Отвечай на вопросы мои коротко и ясно, – сказал Жирар. – Во-первых, как часто показывается лев?

– Еженедельно, – отвечал араб.

– Все тот же или разные?

– Один и тот же.

– Почему ты знаешь?

– Он ходит в одну ногу, – отвечал араб.

– Ты видел след?

– Я видел два.

– Где именно?

– На Сейбузской долине.

– Далеко от Ключа?

– На двадцать взмахов левее.

– Этого достаточно, – сказал Жирар; потом, подумав, он спросил у араба: – Как давно видели льва в последний раз?

– Три луны взошли с той поры, – отвечал араб.

Жирар бросил арабу мелкую монету, которую тот схватил с жадностью, потом поцело-

вал еще раз ногу Жирара и вышел из шалаша, оставя нас вдвоем.

– Довольны ли вы собранными вами сведениями? – спросил я у моего товарища.

– Так доволен, что прощу у вас, полковник, только три ночи и никак не больше четырех; они же, на ваше счастье, светлы, как день, и не будь я Жирар, если через неделю львиная шкура не будет сушиться на солнце против нашего шалаша.

Я крепко пожал его руку и, не спрашивая больше ни о чем, вышел, чтоб дать ему время сообразить на просторе план охоты и сделать все нужные приготовления. Вечер был прекрасный; когда я возвратился, Жирар спал уже самым безмятежным сном. Проснувшись на следующее утро, я оглянулся – товарища моего не было; он пришел в час обеда и радостно объявил мне, что араб сказал правду и все идет очень хорошо. Одна из женщин колонии принесла нам кусок жареной баранины и разваренного пшена. Жирар ел за десятерых. После скромной трапезы он пригласил меня последовать его примеру и заснуть часа четыре.

– А ночь на что? – спросил я.

– А ночь на льва, – отвечал он, преспокойно укладываясь.

– Неужели сегодня?

– Именно, – проговорил он.

Меня бросило в жар, а Жирар захрапел прегромко.

Напрасно напрягал я все умственные способности, чтоб убедить себя, что лев, как говорил Жирар, не что иное, как корова; напрасно старался я думать о других предметах – сон не смыкал моих глаз, и сердце не успокоивалось.

В семь часов товарищ мой проснулся, вытянулся и приподнял голову.

– А вы не спите? – спросил он.

– Нет, не могу!

– Напрасно; ночи холодны; вы ослабнете, и чего доброго – заснете в кусте.

– Ручаюсь, что не засну, – отвечал я.

– То-то, смотрите!

Жирар стал одеваться; потом, осмотрев свое одноствольное солдатское ружье, зарядил его пулею, закинул на плечо, и, отобрав четыре патрона, положил их к себе в карман.

– Куда же? – спросил я, не зная, чему при-

писать его сборы.

– Как куда? к Горячему Ключу; и вам пора – я готов! – сказал Жирар совершенно спокойно.

– Но где же ваше оружие?

– Вот оно.

– Одно ружье и четыре патрона?

– Ну, да; три лишних.

– На льва!

– На четырех, если попадутся. И он засмеялся.

Я вспомнил содержание открытого листа и успокоился. Одеться и вооружиться двумя дуствольными штуцерами было для меня делом одной минуты; потом, привязав длинный и острый нож к кушаку, я захватил железную рогатину, с которой никогда не расставался, и объявил Жирару, что готов следовать за ним хоть на край света. Мы вышли из шалаша, миновали вал и стали отдаляться от колонии рудокопов. Окрестности Сейбузского Ключа достойны особенного внимания своею разнообразною красотой. Вокруг него виднеются еще и до сих пор развалины очаровательных римских вилл, поросших миртовыми

ми деревьями и густым плющом; из середины развалин струится прозрачный ручей студеной воды, которая, опоясывая долину, смешивается с кипучим потоком Сейбуза. Без всякого сомнения, целью львов была не свинцовая руда, а холодный ключ. Такого мнения был и Жирар, который, подойдя к развалинам, принял влево и направил шаги свои по песчаному берегу речки. Я следовал за ним, оглядываясь во все стороны. По прошествии некоторого времени, он остановился и подозвал меня, указывая на землю.

– Видите ли вы? – спросил он меня.

– Что?

– След льва; и не львенка, а настоящего льва!

Я нагнулся, и действительно, от самой воды тянулась вдавленная полоса шириною в фут; след этот терялся в траве и кустарнике.

– Теперь, – продолжал Жирар, – поверните вправо и, сделав большой круг, обойдите тот куст, что там, на холме, – он указал мне на куст.

– Вижу, – отвечал я, – а вы?

– Я поверну влево и подойду к вам с тылу.

– Но где же команда? – спросил я наивно у Жирара,

– Какая команда?

– Та, которая должна находиться при нас.

– Зачем?

– Как зачем?

– Команда помешает нам охотиться; лев считает людей, и двух не побоится, конечно; а за большее число не ручаюсь.

Я без возражения отправился по назначенному направлению, а он повернул влево.

Солнце село, и луна уже величественно поднялась на горизонте, когда мы сошлись близ куста, указанного Жираром. Кругом роскошно расстилалась долина, испещренная песчаными полосами. Жирар, сбросив с плеча ружье, прислонил его к кусту, вынул из кармана сигару и пригласил меня сделать то же.

Мы уселись рядом и стали преспокойно курить.

– Неужели львы позволяют вам такие вольности, – заметил я, смеясь, моему товарищу.

– Далеко нет, – отвечал он, – но сегодня он не пожалует; мы репетируем свои роли для

послезавтрашнего представления; потом, вы позволите мне, граф, не то чтоб дать наставление, но сообщить вам несколько замечаний, которые касаются до охоты за этими животными?

– Я прошу вас об этом, Жирар, – отвечал я.

– Они ничтожны, но могут пригодиться на случай; и потому, полковник, вы, как гость, займете этот куст, а я, с позволения вашего, спрячусь позади вас за тот курганчик, что вы видите; до него шагов пятнадцать, и мы можем переговариваться. Ружье ваше с взведенным курком должно лежать на коленях: я говорю ружье, потому что лев требует только одного выстрела.

– Вы слишком уверены в моем искусстве, – заметил я.

– Конечно, уверен, граф; иначе не предложил бы вам подобной прогулки; но возвратимся к делу. Видите ли вы сосновый пенек, что за речкой? – спросил он, указывая пальцем на черную точку, едва заметную вдали.

– Вижу.

– Около самого пня он пройдет непременно, спустится вправо и снова появится вот

тут.

– Как, у этого обрыва?

– Не у обрыва, а из самого обрыва: ну да, пойдет по старому следу.

– Но до обрыва не больше двадцати пяти шагов, – заметил я с невольным трепетом.

– Глаз ваш верен, полковник; тут точно двадцать пять шагов; я их вымерял и воткнул маленький кол; он ясно виден, не правда ли?

Жирар показал мне кол.

– Зачем это?

– Это только обозначает последний шаг льва, – сказал, улыбаясь Жирар.

– Не понимаю.

– Я хотел выразиться поэтически, а в прозе это значит, что, когда лев поравняется с колышком, вы, полковник, приподнимите ружье, он сделает еще шаг, то есть будет находиться от вас в пяти шагах, вы выстрелите – и курок со львом, надеюсь, падут в одно время.

– А если я промахнусь? – воскликнул я невольно.

– Быть не может!

– Однако ж допустим.

– О, тогда, тогда!..

Жирар замялся и увернулся от объяснений последствия.

Мы молча глядели друг на друга; наконец Жирар все-таки улыбаясь, но принужденно, предложил мне сделать ему честь только присутствовать при охоте.

– Я, по совести, – сказал он, – не предвижу никакого рода неудач и не имею причины предвидеть их, потому что я, плохой стрелок, из девяти подобных охот вынес столько же львиных шкур; но кто же поручится, что гость после промаха сделает нам честь пожаловать вторично? А, право, жаль было бы, полковник, отпустить его в вожделенном здравии.

Я посмотрел на Жирара; он смешался.

– Вы говорите не то, что думаете, – сказал я ему с упреком, – вас страшит не потеря добычи, а опасность, которой я неизбежно подвергнусь, не правда ли?

Жирар молчал.

– О, слабость человеческая! – воскликнул я с жаром.

Молчание Жирара заставило меня забыть все до самого благоразумия, и, взяв его за ру-

ку, я принудил себя расхохотаться и сказать ему, что я не только не уступаю куста, но даже прошу его не брать с собою ружья, чтоб не подумали другие, будто лев пал не от моей руки.

Успокоенный моими уверениями, Жирар принял веселый вид и предложил мне возвратиться в шалаш, повторяя, что льва до послезавтра ожидать было бы напрасно.

Сон мой был тревожен: вторую ночь мы провели в кусте; а перед утром возвратились в колонию; наконец настала и третья ночь».

– Неужели вы убьете мышь, граф? – спросила, смеясь, Гризи, когда Шелахвич прервал рассказ.

– Хотя бы и мышь, сударыня, – отвечал со вздохом полковник, – но вообразите себе...

– Нет, нет, не говорите вперед! – закричали мы все, – мы требуем продолжения и не дарим вам ни одной секунды третьего дня, ни малейшего ощущения.

Полковник вторично вздохнул и продолжал:

«В третий вечер Жирар проснулся, как и в предыдущие, ровно в семь часов; снова

осмотрел ружье, отсчитал четыре патрона и напомнил мне, что час настал.

Вооружась всем своим мужеством, я последовал за товарищем, который на этот раз повел меня по другому направлению.

Солнце еще не скрылось, когда мы достигли куста и расположились сообразно с планом Жирара; я поместился в самом кусте, а он в пятнадцати шагах позади меня.

Сумерек не существует на юге, и луна мгновенно заступила место солнца. Безмолвие ночи прерывалось по временам пронзительным писком шакалов и диким, жалобным криком ночных птиц, быстро носившихся по всем направлениям. Жирар подполз ко мне.

– Мы можем еще побеседовать, – сказал он вполголоса, – и время терпит, а сидеть молча – томительно.

– Я рад; но не развлекла бы беседа нашего внимания?

– О, не беспокойтесь! приближение льва ознаменуется явлением, которое заметить нам не трудно будет.

– А что это за явление? – спросил я с тре-

ВОЖНЫМ ЛЮБОПЫТСТВОМ.

– Очень обыкновенное, – отвечал Жирар, – вы заметили, что зверя этого чуют лошади и верблюды на расстоянии целой мили? Лошади опускают голову и начинают дрожать, как в лихорадке; а верблюды ложатся и только что не закапываются в песок. За неимением тех и других указателей, судьба посылает нам шакалов, которых вы явственно слышите: не правда ли? Ну, а почуй они приближение желанного нашего гостя – все умолкнет, и тогда мы не только перестанем говорить, но притаим самое дыхание. Лев преаристократическое животное; натуралисты ошибочно причислили его к классу диких зверей, ползающих и пресмыкающихся. Лев раз навсегда составил свой маршрут и следует ему, не сворачивая ни вправо, ни влево; например, на самом пути его находится куст; куст занят чем-то незнакомым: не полагайте, чтоб он бросился в сторону; нет, он, вероятно, остановится; не ускорит, а напротив, убавит шаг, но все-таки пойдет за куст.

– А если бы я не стал стрелять по нем, что бы случилось?

– Не стрелять в пяти шагах? Зачем же вы не стали бы стрелять, граф? – спросил наивно Жирар,

– Положим, что мне любопытно было бы знать, что сделает лев в таком случае.

– Вот этого я не умею вам сказать, потому что любопытство мое не заходило никогда так далеко. – И Жирар только что не сознался, что не чувствует в себе довольно мужества для подобного испытания. – Это правда, – прибавил он, – что раз в окрестностях Брея я почти вынужден был отодвинуться, чтоб дать ему пройти; но это, поверьте, сделал не из любознательности, а из крайней необходимости.

Я просил Жирара рассказать мне этот случай.

– Извольте, и, мне кажется, мы успеем кончить, – сказал он. – Милях в трех от брейского лагеря подметили льва и дали мне о том знать; я выбрал удобное место – прегустой куст и провел в ожидании гостя четырнадцать суток. Посудите сами, какое терпенье устоит против тоски сидеть четырнадцать суток сряду одному и без малейшего результата. В пятнадцатый вечер я, почти нехотя, рас-

положился на слишком уже знакомом месте и, под крик ястребов, заснул преспокойно: вдруг меня как будто кто-то толкнул в сердце; раскрываю глаза – шагах в семи от куста лев; я за ружье, лев лег; я прицелился ему в лоб – хлоп! – осечка. Тут только вспомнил я, что пистон старый...

– Что же лев? – спросил я.

– Лев медленно привстал и пошел прямо на меня; время терять было напрасно; я переменял пистон и выстрелил, правда, гораздо ближе, чем на пять шагов. Неосторожность, вот и все! Не позаботиться о подобных пустяках я считаю большою глупостью. – Однако позвольте; да, точно.

И Жирар понизил голос.

Я посмотрел на него с беспокойством; он показал мне пальцем на уши и бросился вон из куста.

Я догадался и стал вслушиваться; все звуки замолкли, и кругом нас воцарилась та мертвая тишина, которая обыкновенно предшествует шквалу на море. Я невольно взглянул на небо – ни одного облачка; вокруг нас ни одного живого существа, ни малейшего

движения, ни признака жизни – и мне стало холодно. Первые полчаса ожидания показались мне веком; сколько тревожных мыслей пробежало в эти тридцать минут в моем воображении; сколько различных ощущений перечувствовал я в этот короткий срок. Но самолюбие и стыд взяли верх над робостью. Осмотрев штучер и засучив рукава своего пальто, я стал дожидаться. Прошло еще несколько минут, и позади меня Жирар пошевелился; я повернул голову в его сторону. «Attention!»[9] – шепнул он и указал концом ружья по направлению речки.

Рядом с тем пнем, о котором говорил мне Жирар, я увидел другую темную точку, другой пень, повыше первого.

– Le voyez-vous?[10]

– Très distinctement.[11]

– C'est bien,[12] – шепнул он и опустил ружье.

Через минуту на том месте, где виднелись еще недавно два пня, остался только один; взор мой инстинктивно перенесся за черноватое углубление, отстоявшее от меня на расстоянии двадцати пяти шагов. В это мгнове-

ние я не мог больше отдавать себе отчета ни в мыслях своих, ни в ощущениях; сердце билось так сильно, что я слышал это биение. Прошло еще несколько минут, и в темном овраге блеснули два желтые круга; еще мгновение – и черная масса отделилась от земли, отбросив на золотисто-песчаную почву огромный львиный силуэт.

Я был убежден, что лев меня видит, потому что эти два фосфорические круга не отводили от меня ни на миг своих черных точек. Лев приближался медленно, шаг за шагом; широкий нос его был ниже туловища; он вытянул шею; он приподнял гриву; он не оставался...

Я силился отвести от глаз его мои глаза – и не мог; я хотел целиться, хотел поднять ружье и не мог; лев подошел на пять шагов; я был недвижим.

– Feu, feu; faites feu, au nom de Dieu,[13] – раздалось позади меня; я явственно слышал голос и не двигался. Лев приостановился и поднял голову; хвост его пришел в движение, уши приподнялись.

– Excusez donc,[14] – крикнул Жирар, и в то

же время лев осветился мгновенно и раздался выстрел.

Я вскочил на ноги.

– Votre arme, donnez moi votre arme! [15]²
– прокричал тот же голос, но уже возле самого меня, и Жирар вырвал у меня из рук ружье.

Эта мера была лишняя: лев мотнул головой, заложил ее между передних ног и, рывнув протяжно, перевалился вперед. Он был ранен смертельно.

Жирар, сняв картуз, обратился ко мне.

– Savez-vous, colonel, que vous poussez bigrement loin vos йpreuves, [16] – сказал он, смеясь, с тоном упрека.

– Quelles йpreuves, s'il vous plai? [17] – спросил я, не понимая Жирара.

– J'espire bien, en laissant approcher la bkte a une distance de trois pas; diable! [18]

– Mais e'est que j'ai eu peur, mon ami, [19] – шепнул я на ухо Жирару».

ПРИМЕЧАНИЯ

Рассказ впервые опубликован в журнале «Отечественные записки» (1850, № 12, отд. 8 «Смесь», с. 177–201). Это первое произведение, напечатанное за полной подписью писателя.

Эпизод с охотой на львов привлек внимание критика А. В. Дружинина, подробно пересказавшего его в одном из своих обзоров (Современник, 1851, № 1, отд. 6, с. 87–89).

С. 362. *Гарусная кисть* – см. прим. к с. 22.

Кроаты – хорваты. В рассказе они говорят по-польски, это свидетельствует о том, что замена «поляки» (вариант, употребленный в черновой рукописи) – «хорваты» производилась Вонлярлярским механически.

Гризи Карлотта (1819–1899) – знаменитая итальянская балерина. Всеевропейская известность сделала ее имя весьма популярным в России задолго до гастролей Гризи в Петербурге в начале 1850-х годов, многие русские мечтали о знакомстве с ней.

С. 363. *...и несколько первых сюжетов...* – т. е. ведущих певцов труппы.

...одного из семи мудрецов древней Греции...
– Вонлярлярский шутливо упоминает семерых греков VII и VI вв. до н. э., отличавшихся глубокими познаниями и житейской мудростью (Питтак, Солон, Периандр, Клеовул, Хейлон, Фалес и Биант).

С. 366. *Дюмон-Дюрвиль* Жюль Себастьян Сезар (1790–1842) – знаменитый французский моряк и океанограф; совершил несколько кругосветных путешествий.

С. 367. *Штуцер* – ружье с нарезным стволом, винтовка.

С. 370. *Лапландец* – здесь: житель дальнего Севера.

С. 372. *Готенбург* – имеется в виду шведский город Гётеборг.

С. 378. *Ротонда* – круглое помещение с куполообразным потолком.

С. 384. *Бона* (Бон) – город-порт на северо-востоке Алжира (ныне Аннаба).

Константина – крупный алжирский город, центр одноименной области.

Французская миля – 1949 метров.

Гельма – город на северо-востоке Алжира.

С. 385. *Старасская дорога* (правильнее:

Стораская) – ведущая к Сторе, предместью города Филиппвиля.

...жалкий остаток римского величия... – Алжир был римской провинцией с I в. до н. э. по V в. н. е.

С. 386. *Жирар* (Жерар) Жюль (1817–1864) – французский офицер, прозванный за свои охотничьи подвиги «истребителем львов». О нем много писали во французской, а с 1845 года (см.: Журнал коннозаводства и охоты, т. IX, № 2) и в русской прессе. Подробное описание встреч Жерара со львами находится в книге Дюма-отца «Очерки варварийских владений» (ч. IV, М., 1853, с. 62–96). В воспоминаниях Н. В. Берга говорится, что Вонлярлярский «охотился с известным Жюлем Жераром на львов» (Русская старина, 1891, № 2, с. 258; ср.: Исторический вестник, 1893, № 3, с. 702). Вероятно, это известие получено от самого писателя, увлекавшегося охотой. Однако возможно, что Берг приписывает биографии Вонлярлярского события из жизни героя комментируемого рассказа.

Открытый лист – здесь: разрешение на охоту.

С. 387. Сейбузская долина – долина реки Сейбуз около города Боны.

Примечания

1

Дословно: «Город Марсель» (фр.).

[^^^]

2

Вы из той же породы? (фр.)

[^^^]

3

С той лишь разницей, сударыня, что мы не столь здоровы, как наши соседи (фр.).

[^^^]

4

Придите к нам на помощъ, мсье (фр.).

[^^^]

5

Я подвергну пыткам свою память, чтобы сделать вам приятное, сударыня (фр.).

[^^^]

6

Лучше просто выберите что-нибудь позанимательнее (фр.).

[^^^]

Господи, как это глупо! (фр.)

[^^^]

8

Приветствую вас, полковник! (фр.)

[^^^]

Внимание! (фр.).

[^^^]

Вы его видите?(фр.).

[^^^]

Очень отчетливо (фр.).

[^^^]

Вот и прекрасно (фр:).

[^^^]

13

Огонь, огонь, стреляйте, ради бога! (фр.)

[^^^]

Тогда извините (фр.).

[^^^]

Ваше ружье, дайте мне ваше ружье! (фр.)

[^^^]

Знаете, полковник, вы зашли в своем испытании дьявольски далеко (фр.).

[^^^]

17

В каком испытании, что вы имеете в виду?
(фр.)

[^^^]

18

То, что вы подпустили зверя на расстояние
трех шагов, черт возьми! (фр.)

[^^^]

Но я просто испугался, мой друг(фр.).

[^^^]